

— Болела я, — говорит Ольга Ивановна. — По врачам ходила и молелись. И вдруг сказано мне было: рисуй иконы. Кем сказано и как — не суть важно. Главное, взяла Ольга Павликова гусиное перо — гусиное! — и стала рисовать на доске лик Серафима Саровского. Её техника зовётся темпера; рисовала гуашью, замешенной на курином желтке и кислом квасе — так в старинных иконописных книгах подсказано.

АНГЕЛЫ И ХЕРУВИМЫ

— Иконы не выдумываю: для того нужно благословенье особое; делаю списки с известных ликов.

Богоугодное занятие, избранный дар. А кто избран, тому уготованы препоны.

— Когда Серафима рисовала, искушение было: в сарае его облик на стене выступил. Перекрестилась — исчез. Искажения были, будто нарочные.

— А ещё что мешало?

— Много! Я ведь по ночам рисую, в тёмное время. Делаю икону Богоматери — слышу, будто мышки бегают, да не так просто — а с колокольцами. Звон совсем немusыкальный. Отогнала молитвой.

Ольга Павликова работает в Глазуновском сельхозтехникуме, что в посёлке с тем же названием — техникумовский. С семьдесят второго года, после Орловского пединститута, преподаёт тут биологию. Муж, двое детей, четверо внуков.

Над кухней висит милое изображение ангела — мордашка детская, чистая, доверчивая. Подпись-плакат: "Слава вышних Богу".

— Семилетняя внучка Настя рисовала. А сама я уже лет десять иконы делаю. Две из них — архангелов Михаила и Гавриила — в глазуновской церкви висят, освящены.

Домашние комнаты увешаны своими и покупными иконами. Вспору упасть на колени и возмолиться. Но лично я отношусь к этому творчеству без фанатизма — просто как к потаённому и самому истинному и глубинному русскому искусству. Православие — ис-

ток нашей великой культуры.

Тут наша душа; недаром разномастные протестанты икон не знают, не желают. Икона — славянский дар, прозорливая находка — святая, благодатная, испокон притягательная. Нехристу она, что боль зубовная. Всеми силами

ют, помолясь. И даже говорить о том всуе не следует. Я и сейчас грешу, что с вами говорю.

Она постоянно в крестных ходах участвует, вот и в нынешнем году от Глазуновки до Малоархангельска шла, мироточивую икону Николая Второ-

го сидя. Села: тюльпаны и полетели с креста гнилыми лепестками; и сам крест исчез.

Муж шофёр, к богомольству жены относится с сочувствием, не перечит, хоть сам, в общем-то, живёт обычной мирской жизнью.

Зато Ольга Ивановна по-

— Нет. Веду биологию, кружки выжигания и поделок из соломки тоже когда-то велла. И химию преподаю, двоечников не пложу, все успевают.

Над скопищем икон — четки-бусы, книги Нилуса. Родом она из Свердловского района; значит, здешняя, орловская до мозга костей.

Дочь и сын живут отдельно, однако навещают постоянно, и любят мать и её иконы.

— Иконы мои детища, я их никому не продаю, иногда только дарю.

— Сколько времени на лик уходит?

— Две-три ночи.
— Темперой, на квасе?

— Да. Гляньте, их тут уже сотни. Все освящены.

Наши иконы много раз спасали Россию — и в монгольское нашествие, и в наполеоновское, и даже в гитлеровское. Выручали в убийственные засухи, в голодомор; давали надёжные знамения, вдохновляли и возрождали народ, вдыхали ему веру в жизнь земную и вышнюю.

Посему иконописцы — самые, пожалуй, отреченные

от мирской суеты люди, впрямь избранники Божьи.

— Если удачно сделано — неделю словно на крыльях парю. И работа в радость, и бытие моё земное светлей, осияней.

Мы поклонились и перекрестились на Николая Угодника. Неслышно пролетел кудрявый херувим, провоза и осеняя.

Юрий ОНОПРИЕНКО.

Глазуновский район.

Фото Андрея САСИНА.

противится он нашей иконописи.

— Сами попробуйте Богу послужить — мигом странности начнутся.

— Какие?

— Делала икону — как что-то в соседней комнате грохнет! Пошла — всё на месте, только свеча кверху тормашками...

— Кверху?

— Ну да. Лежит и горит другим концом. Поняла: что-то не так изобразила. Иконы рису-

го, что в глазуновской церкви иконы Рождества Богородицы имеется, в очередь несла.

— Насчёт искушений не смеетесь. Дьявол ведь был первым учеником Бога, он умеет всё лукаво обставить... Мне баптисты Евангелие дали. Стала читать — что вы думаете? — гляжу в окошко, там на лунном небе будто крест и будто весь в тюльпанах. Красивый! Но бесовский. Распознала свой грех: нельзя Евангелие лёжа читать; надо толь-

стоянно ездит по святым местам: была и в мордовском Дивеево, и в калужской Оптиной, и в Подмоскowie у Сергия Радонежского, и у самого Феофана Затворника.

— В Псково-Печерскую лавру тоже ездили, под самый север.

— Был я там! — говорю радостно. — Дивные впечатления привёз, до сих пор греют. Но вашей работе это не мешает?